

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись происходящих в расколе событий за 1890 год. М., 1891.
2. Старообрядец. Коломыя, 1881.
3. Слово правды. Браила, 1896.
4. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
5. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Т. 1.
6. Краткая история древлеправославной Российской церкви благочестивого священства. Яссы, 1878.
7. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898.
8. *Есиков Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа. СПб., 1863. Т. 2.
9. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.

*Статья поступила
в редакцию 22.11.2012*

УДК 94(47).083

М.В. ШИЛОВСКИЙ

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ СРЕДИ МОБИЛИЗОВАННЫХ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ИЮЛЯ 1914 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail:istorik.novosib@gmail.com

В статье рассматриваются массовые протестные акции призванных в действующую армию сибиряков в период массовой мобилизации в июле 1914 г., выясняются их причины и действия властей по наведению порядка.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация, массовые выступления, бунты.

С 14 июля 1914 г. в Омском и Иркутском военных округах вводится в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». Административным и правоохранительным органам предписывалось «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок». 18 июля в стране началась массовая мобилизация запасных, с 22 июля призывная кампания распространилась на ратников государственного ополчения.

Мобилизация запасных породила массовые выступления (бунты) с эпицентром в Томской губернии, где проживало более 40 % населения региона. В сельской местности они происходили с 19 июля до конца месяца. Так, 21 июля в волостном селе Шаховском Барнаульского уезда мобилизованные разгромили волостное правление, дома сельского старосты и волостного писаря, а в с. Павловском «тысячи запасных, следующих в Барнаул», подвергли погрому волостное правление и контору лесничего. В донесении тобольского губернатора А.А. Станкевича в МВД от 21 августа 1914 г. утверждалось, что «мобилизация протекала успешно, при соблюдении в общем полного порядка». Но, «к сожалению, в некоторых местах Тюкалинского уезда и, отчасти Ишимского, порядок этот был нарушен следовавшими на сборные пункты запасными нижними чинами, допустившими насильственные действия по отношению к лицам сельской администрации и чиновникам, сопровождавшимися похи-

щением вина»¹. Более откровенным был томский губернатор В.Н. Дудинский, который в аналогичном донесении от 2 сентября признавал: «Призыв запасных был затруднен отказами выступать и бесчинствами, производимыми ими на сборных пунктах и по пути следования (разбивали казенные винные лавки, грабили и поджигали дома и магазины и производили разные бесчинства). Беспорядки происходили почти повсеместно в Томской губернии... В Барнаульском уезде были произведены разгромы канцелярий лесничества Алтайского Округа и массовые порубки леса»².

Всего по данным хроники крестьянского движения в Сибири [1, с. 107–112] я насчитал в четырех губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) 157 протестных акций мобилизованных, которые произошли в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных. В Иркутской губернии волнения имели место в 7 селах Нижнеудинского и Киренского уездов. В Енисейской губернии – в 11 селах Ачинского, Красноярского и Минусинского уездов. В Тобольской губернии – в 6 селах и 2 деревнях Ишимского и Тюкалин-

¹ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв., 1914. Д. 108, ч. 76. Л. 7–7 об.

² Там же. Д. 108, ч. 77. Л. 11.

ского уездов. Подавляющая их часть приходится на Томскую губернию. Здесь бунтовали в 101 селах и 11 деревнях 49 волостей Томского, Мариинского, Каинского, Барнаульского, Кузнецкого и Змеиногорского уездов. Лидировал в губернии Барнаульский уезд (20 волостей, 48 сел и 2 деревни).

По характеру можно выделить следующие акции: в 9 случаях имели место разгромы волостных правлений и избивание должностных лиц крестьянского самоуправления (волостных и сельских старост, писарей, десятских и сотских); в 12 случаях осуществлялись массовые порубки леса, разгромы и поджоги контор лесничеств и лесных кордонов, квартир лесных объездчиков. Но больше всего – 136 из 157 фактов (86,6 %) – было разгромов торговых и винных лавок. Так, в станице Зерендинской Кокчетавского уезда Акмолинской области возле винной лавки собралась толпа запасных, требовавшая отпуска водки. «Капитан Сушков и есаул Маньков направились к толпе, пытались убедить и уговорить ее. Две партии запасных спокойно ушли. Прибыла, однако, новая партия, более значительная, из села Викторовки, среди которой уже много было пьяных. Пьяные настойчиво потребовали водки. Уговоры не действовали. Настроение поднималось. Кто-то крикнул: “Разбивай лавку”. Человек 200 запасных и толпа казаков обступили лавку со всех сторон, разбили ее и начали вытаскивать через окна бутылки. Троекратный оклик капитана Сушкова отойти от лавки и предупреждение о стрельбе не привели ни к каким результатам. Это так подействовало на капитана Сушкова, что он, очевидно, под влиянием нервного аффекта, выстрелил себе в висок. Толпа остановилась и затем медленно стала расходиться. Рана оказалась неопасной, и Сушкову своевременно была подана медицинская помощь. Вина похищено из лавки на сумму 518 рублей»³.

Разгромы и грабежи винных лавок имели массовый характер. Так, в Омске «24 июля в 9 часов утра, несколько человек запасных нижних чинов вошли в ренсковой погреб Харлампия Дунья-Оглы по Думской улице на окраине города, оторвали решетку у полок, на которых находились различные вина, похитили вина на сумму до 75 руб. Те же лица забрались в ренсковой погреб Анны Дегтяревой на той же Думской улице, взяли разных вин и гастрономических товаров на сумму около 100 р. И скрылись. Около 11 часов того же 24 июля толпа опьяневших запасных нижних чинов вошла в винно-бакалейный магазин Попова на углу Думской и Семинарской улиц и потребовала вина. После отказа, 15 человек запасных бросились в соседнюю с лавкой комнату, где хранилось унесенное из магазина вино и захватили вин на 50 руб. Два нижних чина забрались в кассу и, взяв из нее около 40 рублей, вышли из магазина, сели на близ стоявшего извозчика и скрылись. Однако полиции удалось разыскать грабителей и задержать; при них оказалось 14 бутылок коньяка, 42 коробки папирос и 25 руб. денег мелким серебром. Задержанные оказались: первый – крестьянином Тобольской губ. Зиновием Искрой, а второй – крестьянином Томской губернии Семеном Манским»⁴.

Помимо сельской глубинки, волнения призванных произошли в Кузнецке, Новониколаевске, Барнауле, Ишиме, на

железнодорожных станциях Убинская, Боготол, Зима, вообще по линии железной дороги. Так, 23 июля 1914 г. «запасные чины поездов №№ 40, 44, 46, 48, разгромив в селе Тайшет винную лавку, напалились. Придя на станцию, произвели буйство, ворвались в помещение охранной роты 19 Сибирского стрелкового полка, где похитили две винтовки и открыли беспорядочную стрельбу. По команде ротного командира стрелки дали залп и один из запасных тяжело ранен, остальные разбежались по вагонам»⁵. 24 июля в Ишиме «группа запасных, подстрекаемая двумя своими товарищами, учинила беспорядок с сопротивлением офицеру. Вызванная последним полурота стала заряжать ружья, при зарядке несколькими случайными выстрелами убит прохожий старик, ранен запасный. Порядок восстановлен, зачинщики арестованы, вызван военный следователь»⁶. Подводя итоги призыва и отправления мобилизованных, иркутский губернатор телеграфировал в Департамент полиции 28 июля: «Проезжающие [по] линии железной дороги запасные... производили [на] некоторых станциях и прилегающих [к] станциям поселках Иркутской губернии беспорядки и бесчинства, расхищали закрытые винные лавки»⁷.

Кроме того, в Ишиме в тот же день утром на сборном пункте при управлении уездного воинского начальника запасные общей численностью до 30 чел. пытались силой войти в управление, «требуя кормовые деньги либо еще не полученные, либо не полагающиеся им по правилам; при этом двое главарей, из них один запасный, гвардеец-фейерверкер Ефим Усольцев и другой по приметам Алексей Каверзнев с другими неустановленными личностями схватили за руки помощника начальника сего управления штабс-капитана Клитина, не впускавшего их во двор. В виду этого по команде командира охранной роты капитана Пучковского был произведен один ружейный залп, коим убит крестьянин Больше-Сорокинской волости, ранен запасный Александр Мельников. После залпа совместными действиями чинов общей и жандармской полиции порядок был тотчас восстановлен»⁸.

В Мариинск с 18 июля начали прибывать мобилизованные, некоторые из них были пьяны, а примерно половина объявили себя больными. Для их обследования 21 июля начались заседания уездного воинского присутствия. Тогда же находившиеся в городе четвертый день призывники начали выражать недовольство проведением мобилизации в разгар полевых работ и требовать выплаты пособий семьям. Они жаловались на то, что третий день не получают горячей пищи. 23 июля патрулем на базаре был задержан и отправлен в полицейское управление мобилизованный с украденным им чайником. Немедленно собралась толпа в 3 тыс. чел., потребовавшая освободить арестованного. По приказанию уездного исправника Б.Х. Оржеховского полицейские и солдаты местной воинской команды начали стрелять в воздух, рассеяв собравшихся. Часть из них (около 50 чел.) ворвались в здание городского полицейского управления, избив находившихся там, разгромили помещение, ра-

⁵ Там же. Д. 138, ч. 20. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 138, ч. 76. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 138, ч. 23. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 138, ч. 76. Л. 6–6 об.

³ Там же. Д. 138, ч. 1. Л. 2–2 об.

⁴ Там же. Л. 7–7 об.

зорвали и расшвыряли документы. Портрет Николая II был пробит, а Александра II облит чернилами. Нападавшие захватили 100 бутылок вина, находившихся в здании в качестве вещественных доказательств. В тот же день толпа осадила винный магазин купца Чердынцева, и он не стал испытывать судьбу, приказав выкатить на улицу 45-ведерную бочку с вином. После ее распития толпа направилась к другим магазинам, но была рассеяна полицейскими и солдатами местной воинской команды. 24 июля положение стабилизировалось, а вскоре мобилизованных в эшелонах отправили на фронт [2, с. 283–285].

Наиболее драматический характер приобрели события в Новониколаевске и Барнауле. В первом 21 июля четырехтысячная толпа мобилизованных направилась от вокзала к воинскому присутствию. К ним присоединились рабочие. Был поднят красный флаг. В ответ на выстрелы полицейских, собравшиеся разграбили оружейный магазин и вступили в перестрелку с правоохранителями, в помощь которым прибыли солдаты местного гарнизона. В ходе столкновения двое призванных были убиты, еще двое ранены, ранения получили два десятка солдат и полицейских, офицер и пристав. 23 июля при отправке эшелона с мобилизованными произошло еще одно серьезное вооруженное столкновение, в ходе которого погибло 16 и было ранено 25 чел. На железнодорожной станции 24 июля произошел еще один кровавый инцидент. Запасным из проходящего эшелона, во избежание столкновений, запретили выходить из вагонов. Последние отказались выполнять приказ и в результате начавшейся перестрелки с вызванной воинской командой погибло 9 чел, 22 получили ранения (4 из них умерли) [3, с. 212–213]. Произошедшее позволило очевидцу этих событий большевику Г.Е. Дронину заявить в своих воспоминаниях: «Гражданская война, я бы сказал, началась в Новониколаевске чуть ли не с первых дней мобилизации в 1914 г.»⁹.

В Барнауле к 22 июля собралось до 20 тыс. мобилизованных. Часть из них ночевала на улице, плохо было организовано питание. Их требования выдачи «кормовых» и пособий семьям, улучшения условий содержания, вежливого обращения игнорировались. Обозленные призывники избили стражей порядка, начали громить казенный винный склад, где вспыхнул пожар. Пожарникам не давали его тушить. Как пишет А.С. Муравлев: «В разгоряченной толпе послышались призывы к разгрому и грабежу. К месту пожаров, охвативших около девяти часов вечера уже целые кварталы, стекались все новые и новые толпы запасных и городских жителей. Разобрав оружие в разбитых ими же оружейных магазинах, они стали громить дома, лавки, склады» [4, с. 93], здание местного отделения «Русского для внешней торговли банка». К вечеру 22 июля город находился в руках мобилизованных. Полицейские в форме боялись появляться на улицах. Чиновники разбежались из присутственных мест. Уездный воинский начальник скрылся.

Прибывшая на пароходе из Новониколаевска воинская команда выстрелами рассеяла грабителей, хотя стрельба продолжалась всю ночь. Утром 23 июля полиция подобрала на улицах города около 40 трупов, немало грабителей погибло в огне. Из числа запасных 112 чел. были убиты или сгорели,

несколько сот получили ранения. Сгорело 45 больших зданий, в том числе 32 жилых дома. Пострадали несколько маслоэкспортных контор, складов, пакугазов, магазинов. Материальный ущерб, по оценке властей, составил более 4,5 млн руб. За участие в грабежах и сопротивление правоохранителям арестовали 155 чел.

Следствие по барнаульским беспорядкам продолжалось до середины 1915 г. Судебный процесс, по которому прошло 200 чел., начался 27 октября 1915 г. 15 чел. приговорили к тюремному заключению на срок от четырех до восьми лет; 82 привлеченных по этому делу получили сроки от одного месяца до четырех лет в арестантских ротах; 32 чел. – тюремной отсидки на срок от одного месяца до трех лет. Всего из 247 погибших участников солдатских бунтов в России на долю Томской губернии приходится 136–140 чел. Общее число привлеченных к суду за участие в них составило до 1400 чел. [5, с. 97].

В Кузнецке с численностью населения 3 тыс. чел. переполнившие его мобилизованные и присоединившиеся к ним горожане и крестьяне окрестных сельских поселений разбили двери казенного винного склада. Началось массовое пьянство. Пришлось срочно направлять сюда роту солдат из Томска [6, с. 211].

Что касается причин произошедшего, то непосредственно, «по горячим следам» акмолинский губернатор отнес к ним «разбросанность населенных пунктов по громадной территории, не обслуживаемых низшим полицейским персоналом – конной или пешей стражей, малочисленность крестьянских деятелей», опоздание с вывозом водки «из винных лавок, расположенных на больших грунтовых путях следования призываемых запасных и ополченцев». Наконец, частным причинами («Село Викторовка и станица Зерендинская – зажиточные, издавна славившиеся пьянством, старые поселения на бойкой дороге») ¹⁰. Примерно такие же причины называет и тобольский губернатор в телеграмме от 26 июля 1914 г. ¹¹

В советский период солдатские бунты квалифицировались «как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия, свидетельствующая о дальнейшем росте классового самосознания» [7, с. 207]. «В настоящее время подобная оценка выглядит явной натяжкой, – считают И.А. Еремин и Т.А. Кижаяева. – В объяснении причин волнений мобилизованных в июле 1914 г. сегодня преобладают два подхода. Во-первых, эти волнения увязывают с вообще негативным отношением населения, и прежде всего во многом еще патриархального русского крестьянства, к воинской повинности. Во-вторых, волнения были спровоцированы началом антиалкогольной кампании, что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей

⁹ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 405. Л. 5.

¹⁰ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138, ч. 1. Л. 1–1 об., 4.

¹¹ Там же. Д. 138, ч. 76. Л. 3–4.

утраты свободы и возможности распоряжаться своей жизнью. Доказательством правоты этой точки зрения являются факты массовых погромов винных лавок, складов, грабежи магазинов» [8, с. 231].

Анализируя поведение участников массовых беспорядков начального этапа войны, Д. Санборн отмечает: «Бунт представляет собой не единичное действие, а набор их. Когда баланс власти нарушается и силы традиционных органов управления ослабевают, открывается простор для всех видов деятельности, выходящих за рамки закона. Одни нападают на полицию, другие воруют хлеб, третьи напиваются, многие участвуют и в том, и в другом, и в третьем. Факторами, на фоне которых возникли беспорядки среди призывников 1914 г., были желание напиться, обеспечить себя и семьи продуктами и вещами, показать свое недовольство войной и сделать все возможное для того, чтобы затянуть или нарушить отправку на фронт. Военные власти предпочитали объяснять бунты только желанием бунтовщиков напиться, но с течением войны это объяснение становилось все менее подходящим» [9, с. 209]. В рамках этой версии С.Ю. Шишкина рассматривает выступления запасных «скорее формой стихийного, нежели организованного протеста, в основе которого лежали естественные человеческие чувства – верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких» [10, с. 55–56].

На мой взгляд, волнения мобилизованных стали возможными, благодаря комплексу причин и прежде всего просчетам и непрофессионализму властных структур. Характерен в этом плане пример Бийска и Бийского уезда, где властям удалось справиться со стихией, поэтому, в отличие от других уездов Томской губернии, здесь не было массовых беспорядков. Не случайно местный уездный исправник Поляков был награжден томским губернатором денежной премией в размере 100 руб. [4, с. 97]. В Омске, согласно донесению акмолинского губернатора, «из казенных винных лавок ни одной бутылки не было продано и никто из запасных не пытался туда проникнуть. В частных магазинах и ренсковых погребах спиртные напитки были опечатаны и сданы на хранение владельцам под их ответственность. Дни пребывания в Омске запасных, а их собралось вместе с ополченцами до 45 тысяч, протекали спокойно, при полном порядке. Горожане радовались, видя своих доблестных воинов и спешили оказать прибывшим и их семьям помощь, открывая чайные, столовые и проявляя таким образом должное внимание защитникам Родины»¹². Не было волнений в городах Восточной Сибири. Применительно к Иркутску И.И. Серебренников 2 августа 1914 г. записал в дневнике: «Мобилизация проходит спокойно, совершенно нет пьяных» [11, с. 21].

Призыв сопровождался повальным пьянством и вытекающими отсюда разгромами винных лавок, магазинов, винных складов. Но данное явление связано вообще с негативным отношением населения к воинской повинности. «Слово “забрили” самое ненавистное слово, – вспоминает Г.М. Карнаухов. – Оно выражает горе и несчастье, как для самого призванного в солдаты, так для его семьи... Пьяная ватага с гармошками, пьяными песнями, беспричинными драками и руганью плелась по улице. “Забритых” призыв-

ников сопровождало почти все село – родные, знакомые, соседи и просто зеваки.

Последний ненешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья¹³.

Нельзя забывать о стремлении предприимчивых слоев населения заработать в ситуации запрета продажи спиртных напитков. «От времени до времени в Омске, – свидетельствует акмолинский губернатор, – на толкучке и в притонах появлялись продавцы водки, спирта, коньяка, добываемых за пределами области или оставшихся от запасов, сделанных до мобилизации. Некоторые с слабой волей запасные набрасывались на эти напитки, не брезгуя даже и политурой, платили большие деньги, пили и хмелели»¹⁴.

Массовый же призыв сразу изменил повседневную жизнь десятков тысяч сельских обывателей и горожан, к тому же он происходил в самый разгар сенокосной страды. Г.М. Жихарева, оказавшаяся летом 1914 г. в изыскательской партии на Чуйском тракте, вспоминала: «Помню совершенно перевернутые деревни – иначе не могу назвать, – иступленные вопли и причитания баб, растерянные, часто пьяные, бессмысленные или злобные лица мужчин, дикое оранье песен, полное неведение о происходящем» [12, с. 77–78].

Помимо психоментальных факторов сыграли роль дотонатора явные просчеты и недостатки в организации мобилизации, о которых выше уже сообщали акмолинский и тобольский губернаторы. Мобилизованные сутками ждали на сборных пунктах отправки дальше или погрузки в эшелоны, при этом не получая длительное время горячей пищи и пребывая на улице (как это было в Барнауле). Губернские власти вину за произошедшее возлагали на нижестоящие административные структуры. Тот же акмолинский губернатор в донесении в МВД от 4 октября 1914 г. поставил в упрек кокчетавскому уездному начальнику, «а равно находившимся в Кокчетаве крестьянским деятелям, что они не сумели собравшихся в городе запасных, среди которых были охмелевшие, успокоить твердым словом увещевания, а также не приняли меры к отобранию у них запасов водки»¹⁵.

В целом же к 1917 г. в армии оказалось в общей сложности не менее 1 млн сибиряков (на 10,1 млн жителей региона), было призвано 53,6 % трудоспособных мужчин на Алтае, 38,8 – Енисейской, 49,5 – Иркутской, 51,8 – Тобольской, 51,5 – Томской губерний, 60,6 – Акмолинской и 54,8 % – Забайкальской областей [13, с. 67–68]. На низовом уровне масштабность этого процесса можно уяснить на примере д. Шабановой Касьминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии, где форму надели 183 крестьянина из 347 трудоспособных [14, с. 149].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987.

¹³ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 146. Л. 16.

¹⁴ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138, ч. 1. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Д. 138, ч. 1. Л. 6 об.

2. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008.

3. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978.

4. Муравлев А.С. Неизвестный Алтай. Далекое-близкое. Барнаул, 2011.

5. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в годы Первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 11. Вып. 3.

6. История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. I, II.

7. Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986.

8. Еремин И.А., Кижяева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул, 2005.

9. Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.

10. Шишкина С.Ю. Война и общественные настроения: 1914-й год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4.

11. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.

12. Воспоминания о В. Шишкове. М., 1979.

13. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993, № 6.

14. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки по истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.

Статья поступила
в редакцию 22.11.2012

УДК 94(47)“1919”

С.В. КОРНОВЕНКО

МЕРОПРИЯТИЯ ГРАЖДАНСКИХ ВЛАСТЕЙ БЕЛЫХ ПО СБОРУ УРОЖАЯ В УКРАИНЕ (1919 г.)

д-р ист. наук, проф.,
Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого

Статья посвящена исследованию малоизвестного в исторической науке аспекта истории революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. На основе архивных материалов и опубликованных источников изучены мероприятия гражданских властей белых по организации и проведению сбора урожая в Украине в 1919 г.

Ключевые слова: аграрная политика, крестьянство, Украина, Вооруженные силы на Юге России, Особое совещание.

История революционных событий и Гражданской войны – актуальная тема, несмотря на солидную историографическую базу, представленную научными изысканиями не одного поколения историков. Как показывает историографический анализ, история Белого движения, социально-экономическая политика белых правительств привлекали и продолжают привлекать внимание не только общественности, но и историков-аграриев, обществоведов, социологов и т.д. [1]

Вместе с тем недостаточно изученным остается круг вопросов, касающихся организации и проведения уборочной кампании 1919 г. в Украине. В связи с этим автор ставит целью рассмотреть законодательство гражданских властей белых по этому вопросу, сопоставить с аналогичными законодательными актами советской власти и Директории Украинской народной республики, проанализировать мероприятия, направленные на организацию уборочной кампании, а также отношение к ним крестьян Украины. Объект исследования – социально-экономическая политика Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина (далее – ВСЮР) в Украине в 1919 г., предмет изучения – организация и проведение уборочной кампании.

Одним из важных социально-экономических вопросов, стоявших перед Особым совещанием в 1919 г., был аг-

рарный, в частности, обеспечение войск и тыла продовольствием. Значительная часть территории Украины пребывала летом 1919 г. под управлением Главнокомандующего ВСЮР. От успеха организации и проведения здесь уборочной кампании зависело решение таких жизненно важных задач, как расширение социальной базы денikinского режима, укрепление предлагаемой ими модели государственности, победа над большевиками.

Для нормативного урегулирования этого вопроса были приняты два важнейших документа. 22 июня 1919 г. Главнокомандующий ВСЮР утвердил одобренные Особым совещанием «Правила о сборе трав в 1919 г. в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего ВСЮР». На samozахваченных землях сбор урожая трав надлежало проводить тем, кто эти земли захватил; урожаем распределялся поровну между юридическими собственниками и теми, кто их захватил и собрал урожай [2, с. 464–465]. Более значимым стал следующий нормативный акт. 26 июня 1919 г. А.И. Деникин подписал одобренные днем ранее Особым совещанием «Правила о сборе урожая 1919 г. на территориях, подчиненных Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России» (далее – «Правила...»). Документ состоял из 13 пунктов, которыми регулировался сбор урожая 1919 г. Они учитывали социально-экономическую и общественно-